

УДК 904'18(477.75)»09/11»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ X–XII в. В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Майко В. В.

*Институт археологии Крыма РАН
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: vadimmaiko1966@mail.ru*

В статье рассматриваются материалы второй половины X–XII в., полученные в ходе раскопок археологических памятников Юго-Западного Крыма. Их датировка основывается на приведенных аналогиях с других территорий Крымского полуострова. Проанализированы как археологические находки, так и материалы некрополя у с. Верхняя Голубинка, исследованного в 1978–1979 гг. Этот памятник датируется временем не ранее середины X в. и демонстрирует особенности погребального обряда, ставшие характерными для средневековой Таврики X–XII вв. Сделан вывод о том, что некоторые ранне-средневековые памятники Юго-Западного Крыма продолжают функционировать и после середины X в.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, Византия, хлебные штампы, ойнахойи, некрополи, погребальный обряд.

Археологические памятники Юго-Западного Крыма средневизантийского времени на сегодня изучены далеко не достаточно. Долгое время в литературе господствовала точка зрения А. Л. Якобсона, считавшего, что сельские поселения Юго-Западного Крыма существовали в VIII – начале X в. Древности средневизантийского времени в отдельный период не выделялись, а возрождение жизни на памятниках датировалось не ранее второй половины XIII–XIV в. [1, с. 56].

Полученные в ходе многолетних работ материалы, часть из которых опубликована, позволяют говорить о том, что некоторые поселения продолжали функционировать и после середины X в.

В качестве примеров можно привести погребения прихрамового некрополя в с. Гончарном (бывш. Варнутка). Здесь зафиксировано два яруса погребенных: верхний, грунтовые и частично обложенные камнями могилы; и нижний – плитовые. В погребальном инвентаре и засыпи могил верхнего горизонта (в частности могила 4) обнаружены стеклянные браслеты из разрушенных погребений [1, с. 139].

На этом же некрополе зафиксирован и обряд подкладывания на верхнюю часть груди, под подбородок, реже – на нижнюю часть головы захороненного фрагмента черепицы, часто специально оббитой. По наблюдениям А. Л. Якобсона, из 54 могил 27 имели фрагменты черепицы на груди или в нижней части черепа [1, с. 140]. Аналогии данному христианскому обряду, получившему распространение в разных регионах Таврики, который А. Л. Якобсон почему-то считал языческим [1, с. 141], известны на печенежско-половецком некрополе средневизантийского времени в Судее и на более позднем могильнике Мамай-Сурка в причерноморских степях [2, с. 159–176; 3; 4].

Несомненный интерес представляет оббитая в виде неправильного овала черепица с процарапанным крестом и граффити I X N K (IC XP NI KA) [1, с. 140, рис. 91, 1] (Рис. 1, 5). Аналогичное изделие, обращенное изображением к покойнику, обнаружено в погребении 61 некрополя Судак-IX [5, с. 275] (Рис. 1, 6). Оно представляло собой грунтовую подбойную могилу, вертикальный дромос которой перекрыт диагонально установленными можжевелевыми плахами, изготовленными из распущенного бревна. Датировать захоронение затруднительно, однако не исключено, что оно является одним из наиболее ранних в материалах этого долговременного некрополя и относится к XII в.

Типологически близкое изделие с формулой IC XI N KA обнаружено и в заполнении костницы под абсидой часовни городища Эски-Кермен [6, с. 451, рис. 19, 9] (Рис. 1, 4). Судя по находкам в заполнении этого первоначального погребального объекта стеклянного браслета [6, с. 451, рис. 19, 7], бубенчика с рифленой нижней частью без крестообразного выреза [6, с. 452, рис. 20] и гравированного византийского энколпиона с каплевидными лучами архаичного вида [6, с. 454, рис. 22], он может датироваться в рамках второй половины X–XII в. Широкое распространение данного обряда и в более позднее время демонстрирует находка стенки амфоры с дуговидными ручками с процарапанным крестом и формулой IC X N K из погребения священника в средневековом храме на горе Аю-Даг, где она располагалась в верхней части грудной клетки, перекрывая низ черепа [17, с. 143, рис. 4, 4] (Рис. 1, 7). По мнению авторов, этот фрагмент сосуда символизировал воздух (плат), которым традиционно покрывалось лицо священнослужителя [7, с. 137].

Рис. 1. Просфорные штампы и керамика с христианскими формулами из материалов памятников Юго-Западного Крыма и их некоторые аналогии.

Средневизантийским временем можно датировать и каменный просфорный штамп, происходящий с территории некрополя в с. Гончарном [1, с. 139, рис. 90, 13]. А. Л. Якобсон атрибутировал его как надгробье в виде небольшого каменного креста в круге, с раздвоенными ветвями [1, с. 142]. Полный диаметр изделия 9 см. Крест заключен в двойной круг с зигзагом; в промежутках между ветвями креста помещены простые крестики с углублениями вокруг и углубленные розетки. Рисунок выполнен врезной линией (Рис. 1, 1). Однако диаметр изделия и особенности изображений свидетельствуют в пользу того, что это, скорее, христианское литургическое изделие, изготовленное не из глины, как большинство штампов этого времени, а из камня. Аналогии ему достаточно многочисленны. В частности, в коллекции музея Спийкенисс в Нидерландах известен двойной глиняный хлебный штамп с подобным крестом с раздвоенными концами (Рис. 1, 2). Изделие датируется XI–XII вв. [8]. Детали орнаментального оформления изделия из Гончарного, в частности сочетание рельефных крестиков и розеток, находят аналогии и в штампе, происходящем из раскопок усадьбы 1 на территории городища Эски-Кермен [6, с. 457, рис. 25] (Рис. 1, 3). Последний предмет датируется серединой – второй половиной XIII в.

В средневизантийское время продолжал функционировать и прихрамовый некрополь на плато Пампук-Кая. Об этом свидетельствует известная находка в погребальном инвентаре гробницы 6 русского энколпиона, а также находка в погребальном инвентаре могилы 5 гончарного горшка с шаровидным корпусом и плоской ручкой [1]. Горшок датируется временем не ранее второй половины X в.

Сказанное справедливо и по отношению к некрополю у с. Родникового. Здесь отмечены погребения, совершенные по разнообразному обряду, в том числе и плитовые. Все они практически не содержали погребального инвентаря. Однако А. Л. Якобсон отметил наличие глазчатых бус, датированных второй половиной X–XI в. Здесь же в погребении 21 при захороненном находились два тонкостенных гончарных сосуда с широким дном и темно-красным черепком. Сосуды стояли у таза, с левой стороны. Отмечено также двускатное перекрытие могил каменными плитами («домиком») [1], что находит аналогии в некоторых погребениях средневизантийского времени некрополя Судак-II.

Исследования у с. Передовое принесли находки второй половины X–XII в. В частности в раскопе 3, в заполнении жилого дома была обнаружена шаровидная сплюснутая ойнахойя [1, с. 42, рис. 10, 4] (Рис. 2, 1). Вероятно, дом [1, с. 91, рис. 52] не однопериоден. Налицо перестройка его восточной стены. Возможно, это усиление стены произошло во второй строительный период его функционирования – во второй половине X в. Ойнахойя находит прямые аналогии в древностях Сугдеи, Нового Света, Партенита, Херсонеса. Они характеризуются низким горлом в форме трилистника и шаровидным, с мелким регулярным рифлением туловом. Тулово с противоположной от ручки стороны сильно приплюснуто, образуя плоскость на которой сосуд может лежать. Уплощенная ручка с отверстием на месте верхнего прилепа отходит непосредственно от края венчика. В придонной части расположена еще одна горизонтальная ручка для подвешивания. Помимо крупных определенных фрагментов из Сугдеи (Рис. 2, 2, 3) и Херсонеса [9, с. 122, рис. 18, 3, 4], целые формы обнаружены при проведении подводных работ в бухте поселка Новый Свет (Рис. 2, 4) и в матери-

алах раскопок в Партените [10, с. 82, рис. 7; 11, с. 99, рис. 8] (Рис. 2, 5). Все они четко датируются в рамках второй половины X–XI в.

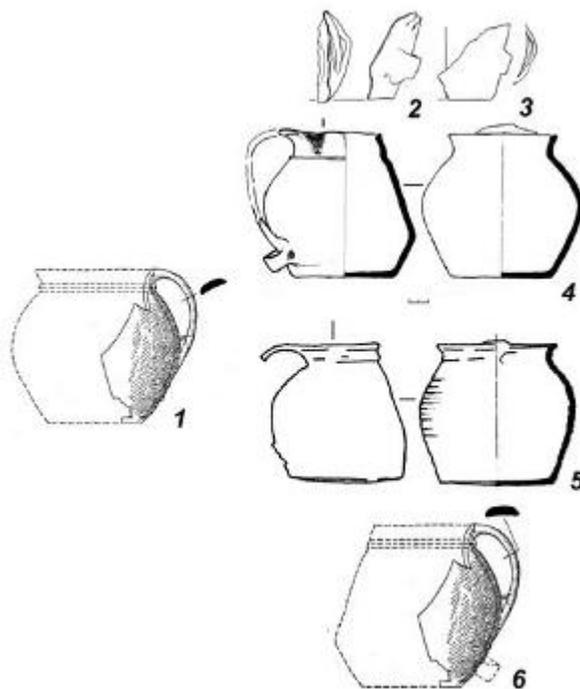

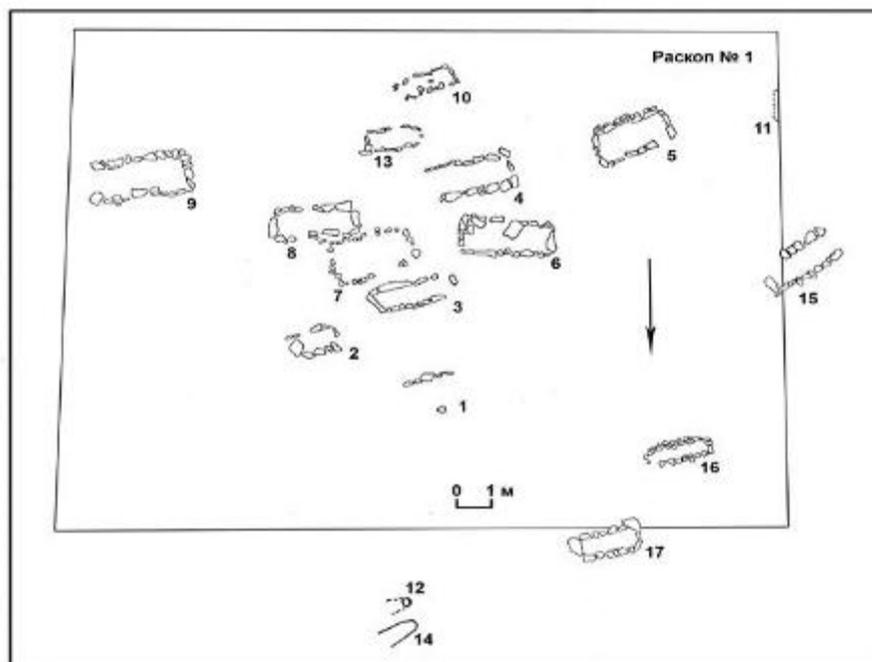
Рис. 2. Кухонная ойнахоя из материалов раскопок у с. Передовое и ее аналогии.

Безусловно, не ранее середины X в. датируется и некрополь у с. Верхняя Голубинка, расположенный на пологой площадке, на второй надпойменной террасе левого берега реки Бельбек (на высоте ок. 20 м от уровня реки). Здесь в ходе раскопок Л. А. Омельковой и О. Л. Пелевиной в 1978–1979 гг. [12, с. 395; 10, с. 294] обнаружено 17 грунтовых и обложенных камнями захоронений (рис. 3, 1) [14; 15]. Могильник частично разрушен современными мелиоративными работами. Особенно пострадал северный участок. Раскопанная площадь в 1978 и 1979 гг. составила 320 кв. м. Общая площадь памятника составляла, видимо, не менее 900 кв. м. Все могилы ориентированы по оси запад-восток, с небольшим отклонением к северу. По форме устройства четко выделяются два типа могил: 1 – обложенные бесформенными плитами песчаника (№ 1–11, 13, 15–17); 2 – грунтовые (№ 14) и грунтовые, перекрытые деревянными плахами (№ 12). Ямы исследованных могил вырыты в желтой материковой глине. Все погребения перекрывал культурный слой, являвшийся верхней частью заполнения могильной ямы.

Конструкция погребальных сооружений типична для этого региона средневековой Таврики. Каменная обкладка могил представляла собой разнокалиберные камни, небольшая часть из которых была обработана. В некоторых случаях из-за перепада

высот и глубины погребального сооружения они образовывали два, редко три небрежных рядка кладки, сложенных на глине. Перекрытие могил по большей части не сохранилось, но, судя по скоплению камней, перекрывавших верхний костяк, вероятно, захоронения перекрывались мелкими плитками и камнями. Исключение составляет погребение 5, перекрытое не только плитками, но и деревянными плахами.

Погребальный обряд, зафиксированный на некрополе, заслуживает особого внимания. Все захоронения многоярусные, с многократным повторным проникновением в могилу. При этом в рамках одной могилы отмечается сосуществование разнообразных элементов этого нового для полуострова обряда, что уже отмечалось в литературе на примере Херсонеса [16, с. 219–220].

1

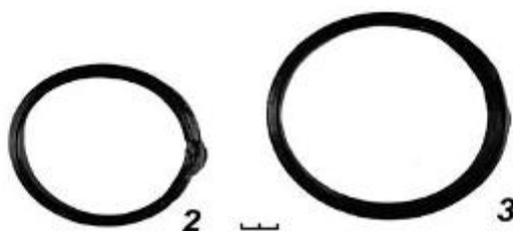

Рис. 3. План некрополя в с. Верхняя Голубинка и его погребальный инвентарь. 1 – план некрополя; 2 – м. 9; 3 – м. 6.

Исходя из этого, для анализа погребального обряда анализируемого некрополя в качестве примеров предлагается использовать ярусы погребенных в одной могиле. При раскопках отмечено четкое стратиграфическое разделение каждого яруса. Главным критерием для выделения типов погребального обряда послужил факт повторного проникновения в могилу. Представленные варианты основаны на характере повторного проникновения.

Наибольшее количество ярусов могил образуют погребения без нарушения анатомического порядка захороненного. Они представлены несколькими вариантами. *Во-первых*, это одиночные погребения, в том числе захоронения подростков или детей, значительно меньшие размера погребального сооружения, смещенные к одной из его стенок. Таких ярусов встречено 11, при этом в погребении 13 все четыре яруса такие, в погребении 16 из пяти ярусов таковы три нижние (Рис. 4, 1), в погребении 1 – из четырех ярусов – два верхние. В могилах 6 и 10 таких ярусов по одному. *Во-вторых* – одновременные парные и тройные погребения, разной сохранности, в том числе и детей, расположенные в анатомическом порядке. Таких ярусов отмечено 12. В некоторых случаях черепа одного, двух или всех трех захороненных отсутствовали и оказывались перемещенными в верхний ярус при последующем погребении. В могиле 8, ярус 3, исходя из размеров погребального сооружения, нижние конечности двух погребенных были согнуты. В могиле 15, ярус 3 были одновременно захоронены двое взрослых и один ребенок, расположенный в ногах одного из взрослых. В могиле 16, ярус 1 в ногах взрослого погребенного расположены два детских костяка (Рис. 6, 1). В могиле 17, ярус 1 зафиксировано одновременное погребение взрослого и расположенного рядом младенца, а в ярусе 2 этого же погребения – костяки взрослого и ребенка, расположенные один на другом (Рис. 4, 2). В погребении 5 (Рис. 4, 3) и 8 (Рис. 5, 1) таких ярусов два, в погребении 15 – все четыре (Рис. 4, 4), в погребении 16 – первый верхний, в погребении 17 – все три.

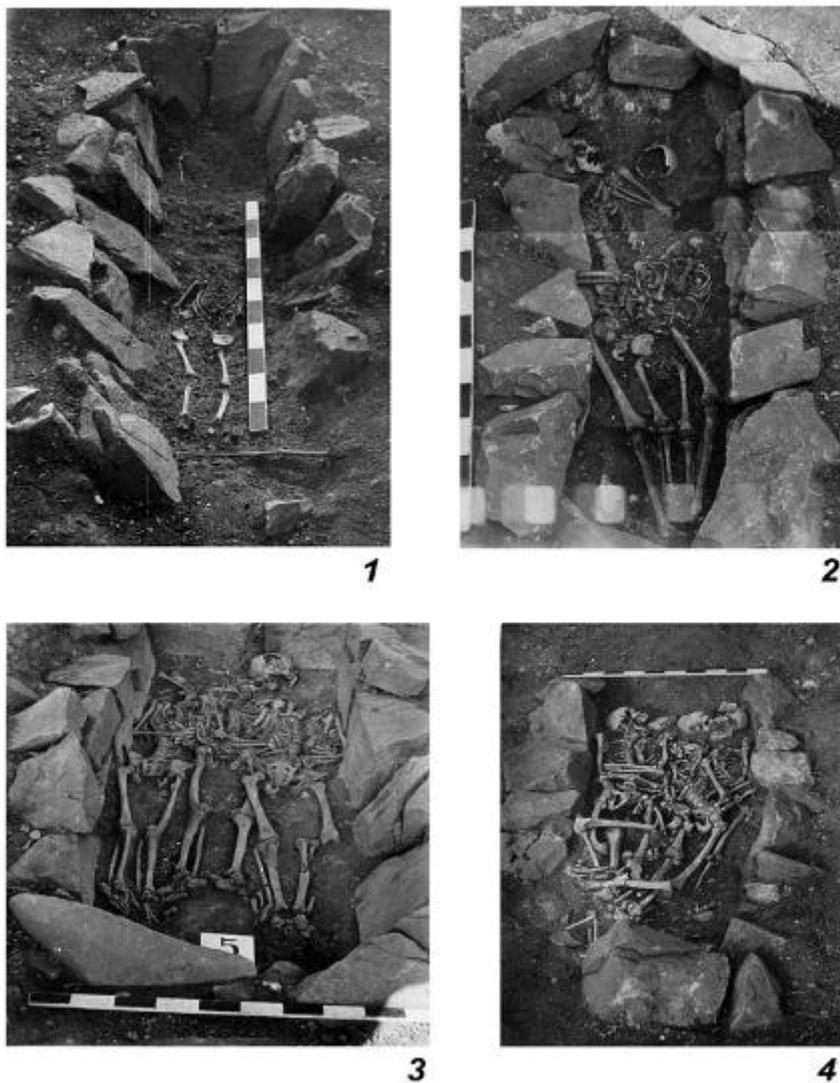

Рис. 4. Общий вид погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка. 1 – м. 16, ярус 4; 2 – м. 17, ярус 2; 3 – м. 5, ярус 3; 4 – м. 15, ярус 1.

Вторую условную группу образуют ярусы могил, где вместе с одним или двумя костяками, находящимися в анатомическом порядке, погребены отдельные черепа или части скелетов от предшествующих погребенных. Таких ярусов зафиксировано 7. Так, в двух ярусах могилы 4 зафиксированы разрушенные парные погребения и остатки трех или двух черепов в юго-западном углу погребального сооружения. В

могиле 8, ярус 2 вместе с остатками двух костяков в анатомическом порядке в западной части могилы находились два черепа. В 5 ярусе этой же могилы, помимо трех погребенных, в восточной части погребального сооружения в беспорядке лежали кости ног (Рис. 5, 2). В могиле 5, ярус 1 вместе с костяком в анатомическом порядке вдоль западной стенки погребального сооружения находилось пять черепов (Рис. 6, 3). В могиле 8, ярус 1, помимо детского костяка, в анатомическом порядке зафиксирован череп в изголовье и в восточной части могилы скопление берцовых костей от нескольких погребенных. В могиле 10, ярус 1, помимо детского костяка, в северо-западном углу погребального сооружения находилось два фрагментированных черепа, а в юго-западном – один.

1

2

3

4

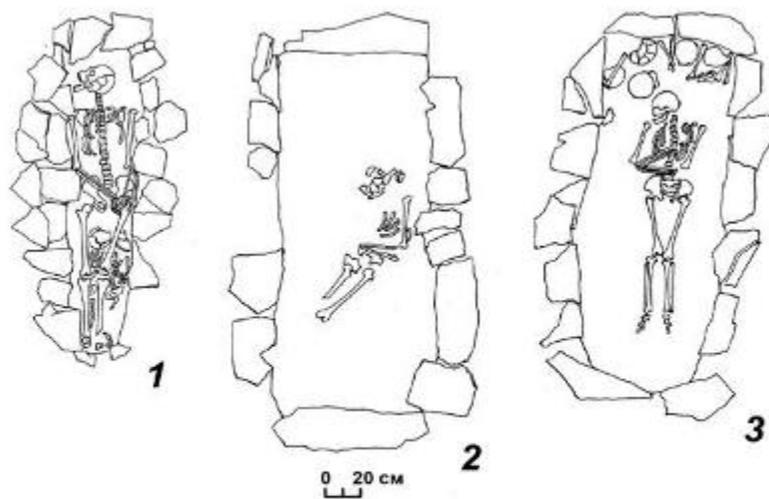
Рис. 5. Общий вид погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка. 1 – м. 8, ярус 4; 2 – м. 8, ярус 5; 3 – м. 9; 4 – м. 16, ярус 2.

Третью группу образуют ярусы могил, состоящие из сильно разрушенных и частично перемешанных костяков, где в большем или меньшем количестве фиксируются части скелетов в анатомическом порядке. Таких ярусов отмечено 11. Вероятнее всего, данные ярусы нельзя рассматривать в качестве костниц, что уже отмечалось в литературе [16, с. 219–220]. Во-первых, несмотря на сильную перемешанность костей, во всех случаях наблюдается преобладающее расположение черепов в восточной, а костей нижней части скелета – в западной части погребального сооружения. Во-вторых, в погребениях 6 и 10 таких ярусов зафиксировано только по одному. В первом случае ярус представлял собой затылочные кости от шести черепов и некоторые кости от двух костяков, лежавшие в анатомическом порядке, во втором – разрозненные кости от нескольких погребений. При этом в правильном анатомическом порядке лежали только бедренные кости, а большеберцовые разрушены и сдвинуты. Остальные части костяка отсутствовали. В погребениях 1 и 4 таких ярусов было только два. В первом случае они представляли собой сильно разрушенные кости с остатками частей скелета и фрагментами черепов, во втором – остатки двух или четырех черепов и разрушенные кости от нескольких погребений. Только в погребении 2 таковыми были все пять ярусов. Причем два из них не содержали фрагментов черепов и частей скелетов в анатомическом порядке. При этом ярусы в заполнении погребального сооружения выделялись достаточно четко.

Четвертую группу образуют немногочисленные ярусы, где четко зафиксировано повторное перемещение костей. Именно они и позволяют говорить о проникновении элементов афонского погребального обряда в средневековую Таврику. Таких ярусов зафиксировано три. Наиболее ярким примером является ярус 4 погребения 6, в котором в западной части могилы обнаружено шесть черепов, а в восточной – в хаотическом порядке исключительно берцовые кости нескольких костяков (Рис. 6, 4). В средней части могилы костей не обнаружено. Во втором ярусе этой же могилы зафиксировано 11 черепов, лежавших вплотную друг к другу, а в восточной части могилы – скопление костей ног (Рис. 6, 5). Между ними располагался костяк в анатомическом порядке (Рис. 6, 2). Кроме него, в средней части могилы других костей не выявлено. В погребении 16, ярус 2 в западной части могилы зафиксированы фрагменты двух черепов и беспорядочно отдельные части скелетов, в восточной – остатки одного черепа без каких-либо других костей (Рис. 5, 4).

Только одно погребальное сооружение № 9 условно можно рассматривать в качестве костницы (Рис. 5, 3). В ней четкие ярусы погребенных не прослеживались, а в заполнении могилы находилось большое количество мелкораздробленных лежавших в беспорядке костей, перемешанных с землей. Тем не менее в западной части лежали фрагменты черепов, в восточной – кости ног. Всего прослежены остатки не менее 51 черепа.

В отличие от могил, обложенных камнем, обряд погребения в грунтовых могилах достаточно однообразен. В погребении 12 два костяка, находившихся в анатомическом порядке, расположены в два яруса; в разрушенной могиле 14 зафиксирован один разрушенный костяк, находившийся в анатомическом порядке.

4

5

Рис. 6. Планы и общий вид погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка. 1 – м. 16, ярус 1; 2 – м. 6, ярус 2; 3 – м. 5, ярус 1; 4 – м. 6, ярус 4; 5 – м. 6, ярус 2.

Подводя итоги краткому анализу погребального обряда некрополя, необходимо отметить, что в общих чертах он подобен синхронному христианскому погребально-

му обряду, отмечаемому во всех частях Крымского полуострова средневизантийского времени. Тем не менее присутствуют и характерные отличия (Рис. 7). Связаны они с тем, что погребальные сооружения с одиночным погребением не встречены вообще, а процент ярусов могил с одиночными погребениями очень невелик. Преобладающими являются ярусы с коллективными многозавыми погребениями, встречающиеся в Юго-Восточном Крыму реже. Для восточной Таврики они получают широкое распространение в более позднее время. При этом некрополь у с. Верхняя Голубинка нельзя рассматривать, в отличие от некрополей Сугдеи, Боспора или Херсонеса, в качестве городского. Он наверняка связан с сельским поселением, то есть влияния урбанистических процессов на изменение погребального обряда здесь не было. Маловероятно и то, что некрополь связан с монастырским комплексом.

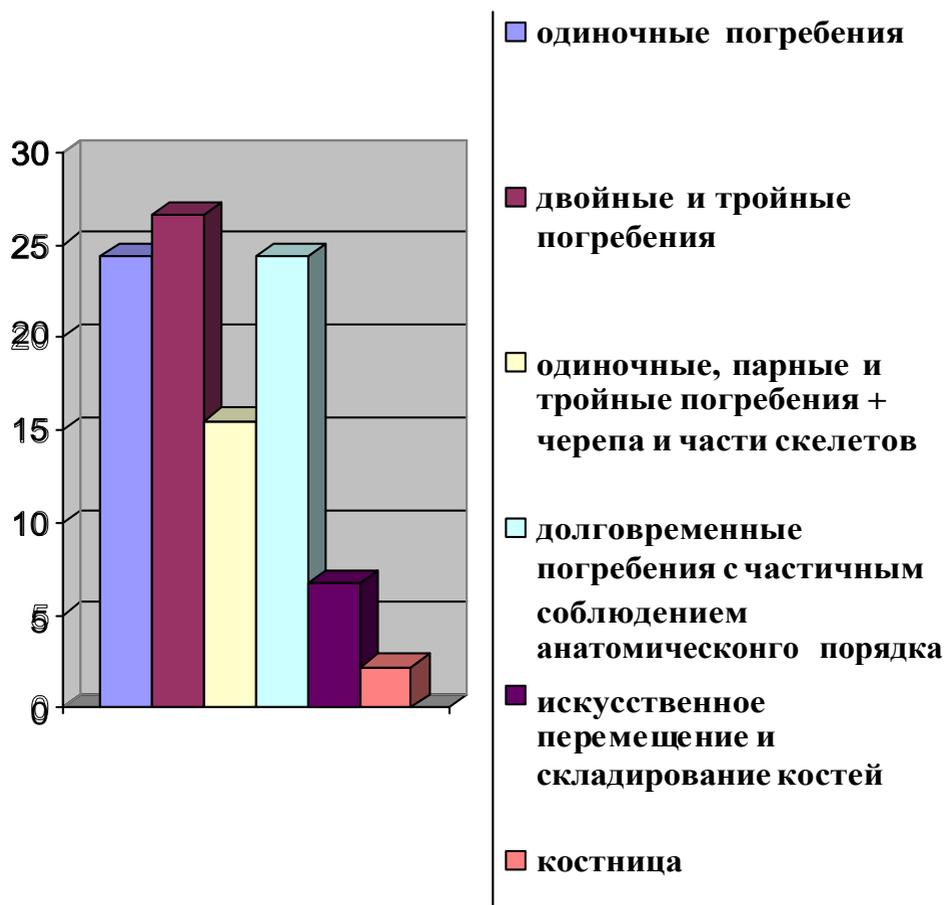

Рис. 7. Статистическое распределение элементов погребального обряда в ярусах погребений некрополя в с. Верхняя Голубинка.

Погребальный инвентарь крайне малочисленен, однако достаточно выразителен и датируется относительно четко. Представлен он пятью целыми и одним фрагментированным стеклянными браслетами, обнаруженными в погребениях 4, 6, 9, 13. Два браслета обнаружены на правой руке детского костяка в могиле 13, остальные – среди скопления костей в ярусах могил. Представляет интерес браслет с двумя желобками, происходящий из могилы 9, с орнаментом, нанесенным белой краской, в виде насечек по краю изделия и двух обращенных друг к другу птиц. Изображения птиц достаточно редки среди орнаментальных композиций на стеклянных браслетах Таврики. Несколько чаще представлены они на изделиях, происходящих из Саркела-Белой Вежи [17, с. 310–323]. Вопрос о хронологических рамках существования стеклянных браслетов остается дискуссионным [18, с. 88–89]. Для средневековой Таврики однозначно можно сказать только то, что в материалах салтово-маяцкой культуры Крыма, так же, как и в так называемых гото-аланских древностях полуострова, они не известны. На мой взгляд, время их активного проникновения в Таврику приходится на вторую половину X–XI в., а ко второй половине XII в. они постепенно выходят из употребления.

В состав погребального инвентаря входит и детский бронзовый браслет, украшенный насечками, обнаруженный в разрушенном захоронении 11. Это также относительно надежный хронологический индикатор. Подобные браслеты достаточно широко распространены на территории Таврики и датируются в рамках второй половины X–XII в. [19, с. 120–121]. К более надежным хронологическим индикаторам восточноевропейской моды второй половины X–XII в. принадлежит бронзовый биконический бубенчик, нижняя часть которого украшена насечкой из погребения 13. Вероятнее всего, он входит в комплекс погребального инвентаря, включающего два упомянутых нами стеклянных браслета. Подобные экземпляры также надежно датируются указанными хронологическими рамками.

К сожалению, три бронзовые кольца, зафиксированные в погребениях 3 и 9, четко датировать сложно. Два из них с несомкнутыми краями выполнены из плоской пластины, а одно – из круглой проволоки. Также затруднительно узко датировать и костяную грибовидную пуговицу-застежку, обнаруженную возле каменной обкладки погребения 1. Тем не менее, судя по погребальному инвентарю, некрополь можно достаточно уверенно датировать в рамках второй половины X–XII в.

Таким образом, прихрамовые некрополи у с. Гончарное, плато Пампук-Кая, могильник у с. Родниковое продолжают функционировать и после середины X в. Продолжается жизнь и на поселении у с. Передовое. Вместе с тем с середины X в. возникают и новые некрополи, такие как у с. В. Голубинка, не содержащие материалов предшествующего времени. Необходимо вспомнить и о монете Иоанна Цимисхия (969–976 гг.), обнаруженной в 1895 г. на поселении у с. Резервное (бывш. Мангуш), в 2 км к северо-востоку от села над рекой Бодрак [1, с. 13].

Список использованных источников и литературы

1. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики / А. Л. Якобсон // МИА. – 1970. – № 168. – 224 с.
Yakobson A. L. Rannesrednevekovye sel'skie poseleniya Yugo-Zapadnoy Tavriki / A. L. Yakobson // MIA. – 1970. – № 168. – 224 s.
2. Майко В. В. Некрополь Судак-IX на посаде средневековой Сугдеи (по материалам раскопок 2006–2008 гг.) / В. В. Майко, А. В. Джанов // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2015. – Т. 12. – С. 159–176.
Mayko V. V. Nekropol' Sudak-IX na posade srednevekovoy Sugdei (po materialam raskopok 2006–2008 gg.) / V. V. Mayko, A. V. Dzhanov // Step'i Evropy v epokhu srednevekov'ya. – Donetsk, 2015. – T. 12. – S. 159–176.
3. Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.) / М. В. Ельников. – Запорожье, 2001. – Т. 1. – 275 с.
El'nikov M. V. Srednevekovuyu mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1989–1992 gg.) / M. V. El'nikov. – Zaporozh'e, 2001. – T. 1. – 275 s.
4. Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.) / М. В. Ельников. – Запорожье, 2006. – Т. II. – 356 с.
El'nikov M. V. Srednevekovuyu mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1993–1994 gg.) / M. V. El'nikov. – Zaporozh'e, 2006. – T. II. – 356 s.
5. Майко В. В. Археологические исследования некрополей Сугдеи в 2007–2009 гг. / В. В. Майко, А. В. Джанов, А. М. Фарбей // Археологічні дослідження в Україні 2009. – Київ ; Луцьк, 2010. – С. 274–277.
Mayko V. V. Arkheologicheskie issledovaniya nekropoley Sugdei v 2007–2009 gg. / V. V. Mayko, A. V. Dzhanov, A. M. Farbey // Arkheologichni doslidzhennya v Ukraїni 2009. – Kiiv ; Luts'k, 2010. – S. 274–277.
6. Айбабин А. И. Позднесредневековая часовня на плато Эски-Кермена / А. И. Айбабин, Э. А. Хайрединова // МАИЭТ. – Вып. XVII. – Симферополь ; Керчь, 2011. – С. 422–457.
Ayubabin A. I. Pozdnesrednevekovaya chasovnya na plato Eski-Kermena / A. I. Ayubabin, E. A. Khayredinova // MAIET. – Вып. XVII. – Simferopol' ; Kerch', 2011. – S. 422–457.
7. Тесленко И. В. Погребение священника в одном из средневековых храмов горы Аю-Даг / И. В. Тесленко, А. В. Лысенко // Духовное наследие Крыма. Памяти преподобного Иоанна, епископа Готфского. – Симферополь, 2006. – С. 132–144.
Teslenko I. V. Pogrebenie svyashchennika v odnom iz srednevekovykh khramov gory Ayu-Dag / I. V. Teslenko, A. V. Lysenko // Dukhovnoe nasledie Kryma. Pamyati prepodobnogo Ioanna, episkopa Gotfskogo. – Simferopol', 2006. – S. 132–144.
8. Byzantine Bread Stamps : [Электронный ресурс] // Thom Collection / Past-Ancient Art Gallery, Spijkennis. – Режим доступа : <http://www.cookieboard.com/Home%20Pages/Related2.html>. – Дата обращения : 03.09.2016 г.
Byzantine Bread Stamps : [Elektronnyy resurs] // Thom Collection / Past-Ancient Art Gallery, Spijkennis. – Rezhim dostupa : <http://www.cookieboard.com/Home%20Pages/Related2.html>. – Data obrashcheniya : 03.09.2016 g.
9. Нессель В. А. Керамический комплекс / В. А. Нессель // Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.) / под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клениной. – Севастополь, 2006. – С. 95–140.
Nessel' V. A. Keramicheskyy kompleks / V. A. Nessel' // Khersonesskiy sbornik. Supplement I. Topografiya Khersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.) / pod red. A. B. Bernatski, E. Yu. Kleninoy. – Sevastopol', 2006. – S. 95–140.

10. Паршина Е. А. Торжище в Партенитах / Е. А. Паршина / Византийская Таврика. – Киев : Наукова думка, 1991. – С. 64–100.

Parshina E. A. Torzhishche v Partenitakh / E. A. Parshina / Vizantiyskaya Tavrika. – Kiev : Naukova dumka, 1991. – S. 64–100.

11. Паршина Е. А. Древний Партенит (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) / Е. А. Паршина // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – Киев : Стилоз, 2002. – С. 89–109.

Parshina E. A. Drevniy Partenit (po materialam raskopok 1985-1988 gg.) / E. A. Parshina // Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshikh vremen do nashikh dnei. – Kiev : Stilos, 2002. – S. 89–109.

12. Романчук А. И. Исследование средневековых памятников в долине р. Бельбек / А. И. Романчук, Л. А. Омелькова, О. Л. Пелевина, Ю. М. Ковалев // АО 1978 года. – М., 1979. – С. 395.

Romanchuk A. I. Issledovanie srednevekovykh pamyatnikov v doline r. Bel'bek / A. I. Romanchuk, L. A. Omel'kova, O. L. Pelevina, Yu. M. Kovalev // AO 1978 goda. – M., 1979. – S. 395.

13. Омелькова Л. А. Исследование сельских поселений в долине р. Бельбек / Л. А. Омелькова // АО 1979 года. – М., 1980. – С. 294.

Omel'kova L. A. Issledovanie sel'skikh poseleniy v doline r. Bel'bek / L. A. Omel'kova // AO 1979 goda. – M., 1980. – S. 294.

14. Омелькова Л. А. Отчет о спасательных разведках и раскопках, проведенных в Бельбекской долине в 1978 г. / Л. А. Омелькова // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1978/65. № 8698. 77 с.+ 80 ил.

Omel'kova L. A. Otchet o spasatel'nykh razvedkakh i raskopkakh, provedennykh v Bel'bekskoy doline v 1978 g. / L. A. Omel'kova // Nauchnyy Arkhiv Institutu arkheologii NAN Ukrainy. 1978/65. № 8698. 77 s.+ 80 il.

15. Пелевина О. Л. Отчет о раскопках средневекового могильника и печи в селе В. Голубинка в 1979 г. / О. Л. Пелевина // Научный архив Института археологии НАН Украины. 1979/130. № 9477. 40 с.+ 63 ил.

Pelevina O. L. Otchet o raskopkakh srednevekovogo mogil'nika i pechi v sele V. Golubinka v 1979 g. / O. L. Pelevina // Nauchnyy Arkhiv Institutu arkheologii NAN Ukrainy. 1979/130. № 9477. 40 s.+ 63 il.

16. Иванов А. В. Внутригородские некрополи конца X – XIV в. как элемент исторической топографии византийского Херсона / А. В. Иванов // Древности 2012. – Вып. 11. – Харьков, 2012. – С. 211–222.

Ivanov A. V. Vnutrigorodskie nekropoli kontsa X – XIV v. kak element istoricheskoy topografii vizantiyskogo Khersona / A. V. Ivanov // Drevnosti 2012. – Vyp. 11. Khar'kov, 2012. – S. 211–222.

17. Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи / З. А. Львова // МИА. – 1959. – № 75. – С. 307–332.

L'vova Z. A. Steklyannye braslety i busy iz Sarkela-Beloy Vezhi / Z. A. L'vova // MIA. – 1959. – № 75. – S. 307–332.

18. Майко В. В. Стекланные браслеты византийской Таврики. Вопросы типологии, технологии и хронологии / В. В. Майко // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2012. – С. 88–89.

Mayko V. V. Steklyannye braslety vizantiyskoy Tavriki. Voprosy tipologii, tekhnologii i khronologii / V. V. Mayko // Problemy istorii i arkheologii Ukrainy. – Khar'kov, 2012. – S. 88–89.

19. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины / В. В. Майко. – Киев : Академперіодика, 2007. – 273 с.

Mayko V. V. Srednevekovyye nekropoli Sudakskoy doliny / V. V. Mayko. – Kiev : Akademperiodika, 2007. – 273 s.

Maiko V. V. Materials of the second half of X–XII c. in the South-West Crimea / V. V. Maiko // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. – Series : Historical Science. – 2016. – Vol. 2 (68), No. 1. – P. 134–148

Archeological materials of the second half of X–XII c., got during the excavations of archaeological monuments of south-west Crimea, are examined in the article. Their dating is based on the resulted analogies from other parts of the Crimean peninsula. The author analyzes both archaeological finds and materials of necropolis near Verhnaja Golubinka investigated in 1978–1979. This monument is dated not early, than the middle of X c. and demonstrates the features of funeral ceremony, becoming characteristic for medieval Taurica of X–XII c. A conclusion is done that some early medieval monuments of the south-west Crimea continue to function after the middle of X c.

Keywords: South-West Crimea, Byzantium, bread stamps, oenochoe, necropolises, funeral ceremony.